

Сухарев О.С.*ИЭ РАН*

Аннотация: Целью исследования является определение условий для новой модели экономического роста в России. Предметом выступает экономическая структура российской экономики. Методологию исследования составляет структурный анализ, метод парных корреляций. Результатом применения указанных методов выступает определение чувствительности вклада в темп роста компонент ВВП России к макроэкономическим инструментам, а также степени силы влияния их на ВВП на рассматриваемом интервале времени. Методом парных корреляций получено, что инфляция ощутимо не тормозила экономический рост России в период 2001-2018 гг., наращивание денежной массы M2 стимулировало рост, как и понижение процентной ставки. Также показано, что структурная политика является обязательным способом формирования новой модели роста в России, а сводимая только к паллиативам в виде институциональных изменений, создания среды для бизнеса и тому подобному, без изменения секторальных экономических пропорций, не обеспечит создания экономического роста нового качества. Одним из способов выправления секторальных взаимодействий выступает снижение риска в обрабатывающих секторах и выравнивание доходности между транзакционным, сырьевым и обрабатывающим секторами российской экономики.

Ключевые слова: экономический рост, структурная динамика ВВП, чувствительность инструментов макроэкономической политики, экономический кризис

Введение

Мировой экономический кризис, усиленный пандемией коронавируса, резко обострил проблемы организации новой модели роста и хозяйственного развития. Во-первых, он потребовал поиска новых рецептов противостояния кризису, когда по объективным причинам для сохранения жизни людей свёртываются виды производства, что напрямую противоречит парадигме роста, на базе которой функционировали крупномасштабные системы до этих событий. Во-вторых, обозначил спектр тем, связанных с тем, как необходимо организовать функционирование экономики не только в отдельных странах, но и в мире в целом. Нужно отметить, что каких-то окончательных рецептов здесь пока не выработано, однако общие принципы управления системами крупного масштаба известны, в том числе, и в условиях высоких рисков, и в особых режимах их развития, под которым можно рассматривать ситуацию пандемии коронавируса. Пока просматривается явная структурная динамика, которая изменит функционирование экономики за счёт ввода новых институтов, отказа от старых правил, изменения пропорций между секторами и отказа от классических сценариев политики, например, уповающих на исключительную роль иностранных инвестиций [1-4]. Изменится и влияние инвестиций в НИОКР, задачи научно-технического прогресса, содержание фискальной и денежно-кредитной политики [5-7,10-11]

В России довольно остро обсуждается проблема формирования новой модели роста экономики. С 2012 года наблюдалось устойчивое снижение темпа роста, затем возникла рецессия, сменившаяся ростом не высоким темпом в районе 1%, так что многие аналитики назвали такую динамику стагнацией, поскольку должной динамики инноваций и технологического обновления не наблюдалось

Дискуссия вокруг новой модели экономического роста в России касается необходимости проведения структурной политики, однако её обычно сводят к осуществлению институциональных изменений – правовых условий ведения бизнеса, модификации правил работы малого и среднего бизнеса и форм их поддержки, либо изменений в работе судебной системе. В лучшем случае под структурной политикой понимается приватизация, потому что она имеет отношение к изменению экономической структуры. Однако в российской экономике потенциал её влияния, тем более в аспекте формирования новой модели роста крайне ограничен. Более того, она, скорее всего, может затормозить рост, а не обеспечить его. Кроме этого, рассматриваются меры макроэкономической политики, связанные с поиском резервов по инвестициям, за счёт валютных резервов или ресурсов банковской системы и пр.

Тем самым, структурные воздействия, которые рассматриваются, не касаются сложившихся экономических пропорций, затрагивая лишь отдельные правила функционирования отдельных элементов системы либо формирования бизнес-климата, условий для инвестиций. В действительно,

¹ Настоящий доклад обобщает ряд предшествующих работ автора, включая некоторые уже полученные расчётные материалы.

нужны системные воздействия, которые сегодня требуется направить на преодоления кризиса, в ходе чего сформировать новые возможности по росту трансформируемой структуры. Таким образом, в России долго время осуществляли институциональные и структурные модификации, и она опять находится перед необходимостью серьёзных структурных и институциональных изменений.

1 Трактовки структурной политики роста

Весьма противоречивые трактовки структурной политики роста, сводимые к приватизации или институциональным модификациям, в условиях современного кризиса становятся ещё более неадекватными, нежели до него, хотя и в докризисной ситуации их аналитическая обоснованность ожидала желать лучшего [8-9]

На протяжении длительного периода российская экономика испытывала структурную трансформацию, большей частью не управляемую, которая принципиально отличалась от подобных процессов в развитых странах. В связи с этим, данная разнонаправленность не может не учитываться при разработке макроэкономической политики, и, особенно, при заимствовании рецептов макрополитики, переносе их из опыта других стран в иные условия.

В некоторых научных докладах [8] сообщается, что перемещение ресурсов между секторами российской экономики не даст никакого результата и не может рассматриваться в качестве эффективной структурной политики. Такой вариант политики называется тупиковым. Однако, известно, что развитие, например, транзакционных секторов в России сопровождалось деградацией производственных секторов, ресурсы покидали эти секторы.

Данная динамика формировала изменения хозяйственной структуры и секторы, получающие весьма большие ресурсы на развитие. Поэтому, когда занимаются поиском ресурсов для инвестиций, причём реального сектора, следует обратить внимание, прежде всего, на избыточное развитие иных секторов, получивших ресурсы за счёт обеднения иных секторов, которые требуется развивать. Суммируя, отметим, что именно такая структурная политика совместно с макроэкономической политикой стимулирования инвестиций позволит задействовать нужный объём ресурсов и переместить их по направлениям наилучшего использования, что и составит новую модель роста экономики России [5, 10-11].

По всей видимости, в рамках новой модели роста потребуется изменить соотношение вклад сектор в темп роста, причём увеличивая вклад инвестиционных расходов в экономическую динамику. Кроме того, требуется активизировать влияние бюджетных расходов (фискальной политики), так как до сих пор в России бюджетные расходы не давали значимого вклада в темп роста. Таким образом, бюджетный механизм вообще бы выключен из решения задач экономического развития. По всей видимости, бюджетные возможности не позволяли в должном объёме обеспечить финансирование процесса институциональных изменений, даже на уровне государственного сектора [3, 6-7]. Государственные инвестиции в экономике в целом также были недостаточны, а стратегия привлечения иностранных инвестиций не оправдала себя и не могла в полном объёме покрыть потребность в ресурсах на трансформацию [4,7]. Собственно, количественная оценка величины такого ресурса отсутствовала, как её не осуществляют и при дискуссиях о новой модели экономического роста в России в настоящий период. Финансовые рынки, институты влияют на экономический рост, причём это влияние имеет сложный характер. Институты могут усиливать либо тормозить рост, причём изменяя такое влияния в зависимости от собственного взаимодействия [1-2]. В рамках оценки макроэкономической политики роста по ВВП также весьма не тривиально взаимное влияние различных его компонент, которые динамически изменяются. Каждая из них может быть связана с другой, а сама связь становится то сильнее, то слабее в силу изменения факторов, детерминирующих динамику каждой компоненты. Поскольку основные компоненты (по расходам) четыре (потребление, чистый экспорт, правительственные и инвестиционные расходы), то комбинаций взаимной связности их может быть несколько².

При анализе структурной динамики ВВП важным является обстоятельство связи доли компоненты ВВП и её темпа, поскольку с точки зрения макроэкономической политики не только ценно представлять, какая компонента обеспечивает наибольший вклад в темп роста ВВП, но и то, насколько

² В ряде своих работ автор проводил анализ парной связи этих компонент, чтобы установить попарное влияние. ВВП берётся по расходам, потому что именно такое представление представляет интерес с точки зрения организации макроэкономической политики, предполагающей расходование ресурсов по направлениям использования и применения стимулирующих инструментов по этим направлениям.

дальнейшее увеличение доли этой компоненты и темпа повлияют на величину данного вклада. Это позволит ответить, сохранит ли данная компонента лидерство в обеспечении сложившейся модели экономического роста.

Рисунки 1-2 представляют связь доли компоненты ВВП и её темпа в период 2003–2018 гг. для российской экономики.

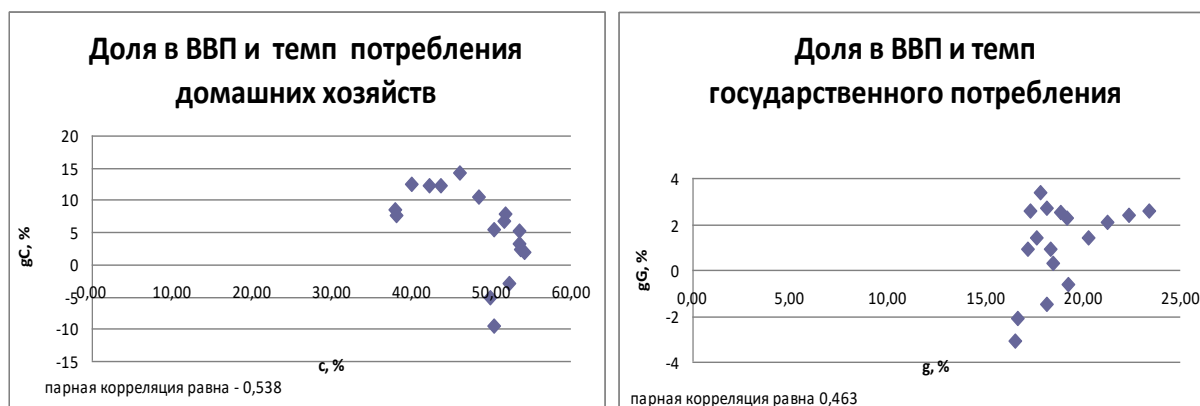

Рисунок 1 – Доля в ВВП и темп роста потребительских расходов (слева), государственных расходов (справа), 2003–2018 гг.

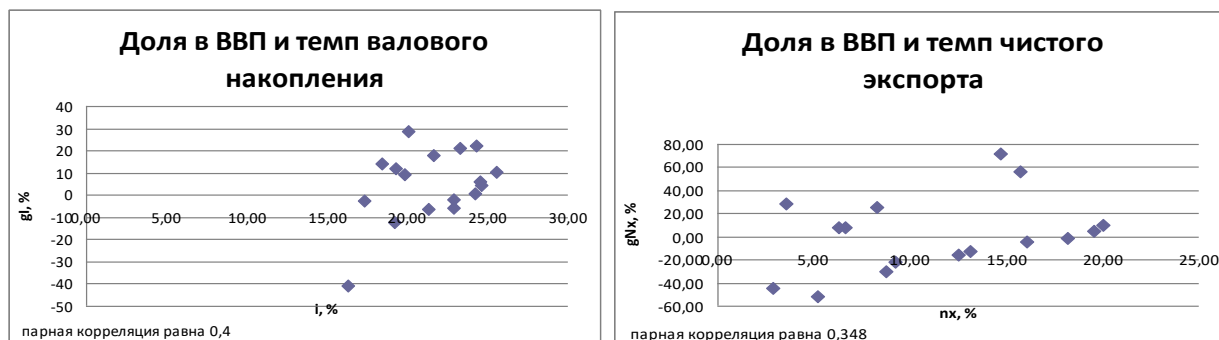

Рисунок 2 - – Доля в ВВП и темп роста валового накопления (слева), чистого экспорта (справа), 2003–2018 гг.

Как видим, снижение доли валового потребления, как видно по точкам, сопровождается повышением темпа его роста (парная корреляция также показывает наличие подобной связи, хотя и несильной). При увеличении доли государственного потребления темп этой компоненты существенно не возрастает, имеется участок, когда понижение доли сопровождалось для российской экономики повышением темпа роста этой компоненты ВВП. Теснота связи доли государственных расходов и темпа роста этой компоненты по парной корреляции составляет 0,46. Увеличение доли валового накопления сопровождается возрастанием темпа роста этой компоненты (парная корреляция – 0,4). Доля чистого экспорта в ВВП и его темп практически не связаны (рисунок 1-2).

Из представленных рисунков 1-2 следует, что снижение доли валового потребления сопровождалось повышением его темпа, повышение доли валовых инвестиций и государственных расходов увеличивало их темп. По чистому экспорту аналогичной связи не просматривалось. Конечно, не факт, что дальнейшее увеличение доли будет сопровождаться повышением темпа, следовательно, и вклада в общий темп роста этих компонент. Тем не менее, в ближайший период это вполне может состояться, тем самым, указывая для макроэкономической политики соответствующий ориентир.

2 Параметры и инструменты макроэкономической политики роста

Проводимая макроэкономическая политика предполагает некую систему воздействий на крупномасштабную систему одновременно некоторым набором инструментов. Как правило, разделить влияние инструментов не удаётся, поэтому их воздействие распространяется неким суммарным образом. Методом парных корреляций можно установить наличие или отсутствие связи между параметрами и инструментами макроэкономической политики и её целью – увеличением ВВП. Продукт выступает центральным критерием, по которому оценивается рост крупномасштабной

системы. Следовательно, иные параметры и инструменты воздействия должны тестироваться на предмет определения изменения этого главного показателя. В этом состоит и оценка осуществляемому управлению (макроэкономической политике) и необходимость плановых изменений в области воздействий на развитие крупномасштабной экономической системы.

Таблица 1 – Чувствительность вклада в темп роста каждой компоненты ВВП к макроэкономическим инструментам и параметрам, , 2001–2017 гг. (парные корреляции)

Инструмент, параметр макрополитики	Вклад в ВВП			
	потребления домашних хозяйств ($g_C \cdot c$)	государственного потребления ($g_G \cdot a$)	валового накопления ($g_I \cdot i$)	чистого экспорта ($g_{NX} \cdot b$)
Темп роста M_2 , %	0,89114387	0,610205279	0,778721901	-0,623247255
Инфляция в год, %	0,668433138	0,511414746	0,72332816	-0,425060168
Ключевая процентная ставка, %	0,073862307	0,000541338	-0,118588563	0,110251954
Курс (руб./долл. США)	-0,726890485	-0,55646195	-0,36605061	0,223002267

В таблице 1 представлена чувствительность вклада компонент ВВП (произведение темпа роста каждой компоненты на её долю соответственно) в общий темп роста к инструментам (денежная масса, процентная ставка) и параметрам (инфляция и валютный курс) макроэкономической политики. Так, валовое потребление и накопление наиболее чувствительны к темпу увеличения денежной массы (M_2). Вклад чистого экспорта показывает отрицательную связь с темпом роста денежной массы (выше темп – ниже вклад). Увеличение инфляции соответствует более высокому вкладу валового накопления в темп роста. Ключевая ставка процента практически не оказывает влияния на вклад четырёх компонент ВВП. Валютный курс и вклад потребления (домохозяйств и государства) имеют отрицательную связь. Это влияние макропараметров на вклад в темп роста каждой компоненты ВВП. Таблица 2 отражает парные корреляции с 2001 г. по 2017 г., характеризующие влияние на абсолютную величину ВВП России.

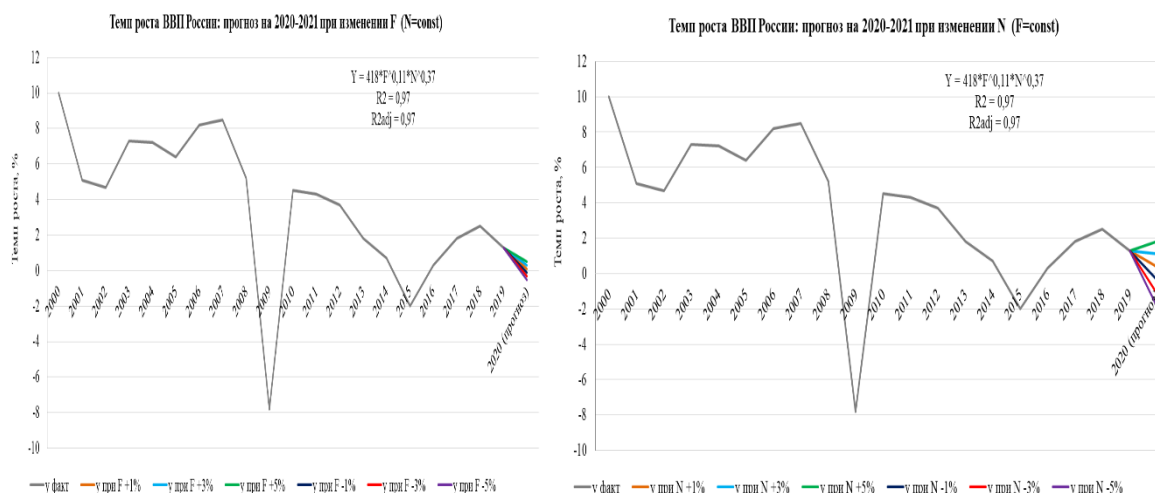
Таблица 2 – Парные корреляции ВВП РФ и отдельных макропараметров, 2001–2017 гг.

Показатель	ВВП (в текущ. млн долл. США)
Инфляция, дефлятор ВВП в год, %	-0,3415598
M_2 , млн долл. США	0,967475731
Ключевая процентная ставка, %	-0,846138787

Как видим, денежная масса имеет значительную величину связи с ВВП: чем выше денежная масса, тем выше ВВП. Ключевая ставка тормозит увеличение ВВП, более высокой ставке соответствует меньший ВВП. Инфляция имеет слабую отрицательную связь с ВВП России за указанный период, то есть, она не детерминировала торможение роста ВВП, но весьма слабо, не являлась основным фактором такого торможения. Ощутимой связи инфляции и темпа роста не обнаруживается на рассмотренном интервале времени. Конечно, показанные парные корреляции требуют отдельного отображения связности инструментов и параметра, например денежной массы и инфляции, процентной ставки и инфляции. Здесь эти оценки опущены, однако они были осуществлены и не показали позиций, обеспечивающих установленные связи. Таким образом, рост ВВП в России требовал дальнейшего снижения процентной ставки, соразмерной монетизации, что могло происходить без существенного влияния на инфляцию и резкого увеличения её тормозящего рост эффекта. Нужно особо отметить, что появляющиеся рассуждения, сводимые экономический рост только к реальным деньгам (M/P) весьма тривиальны, давно обсуждаются в экономической науке, со времён дискуссии о «денежном правиле» М. Фридмана. Именно оно и говорит о необходимо увеличении денежной массы

соразмерно экономическому росту на определённую величину, которая бы поддержала рост. С учётом динамики цен это, по сути, и означает изменение реальных денег, если прирост денежной массы обгоняет прирост уровня цен. Важно иное, на какую величину увеличивать денежную массу, скажем при положительном и при отрицательном темпе роста, ведь денежное правило ничего не утверждало о том, как вести с денежной массой, когда темп роста становится отрицательным. Совсем не факт, что её нужно сокращать. Многое зависит и от текущего уровня монетизации экономики. Один разговор, когда увеличивается денежная масса и реальные деньги при исходной монетизации в 20% (M_2/Y – отношение денежной массы к продукту), причём происходит это довольно существенным темпом. Но совсем иное дело, когда денежную массу увеличивают, скажем, при исходной монетизации в 70-80% или 100-120%. Кроме того, ориентируясь на показатель реальных денег необходимо учитывать связь денежной массы и темпа монетизации с темпом изменения уровня цен. Примерно одинаковые уровни монетизации и даже сходная политика темпа роста денежной массы в разных странах может приводить к различной динамике, что определяется структурными параметрами экономики и возможностями элементов структуры адсорбировать эту денежную массу и её увеличение³.

Подобные оценки, содержащиеся в таблице 1, выносимые за установленный период времени, отражают то, как была разработана и применялась на практике макроэкономическая политика. Следовательно, получаемые и анализируемые связи её обязательно отражают. В связи с этим возникает задача определения изменений макроэкономической политики с необходимым достижением целей, например создания новой модели экономического роста. Одних макроэкономических решений для реализации такой цели может оказаться недостаточно. Требуется учитывать то, каким образом реагирует экономическая структура. Однако анализ за предшествующий период также отражает уже применявшиеся методы воздействия, не утверждая ничего по поводу необходимых действий. Возникает важная проблема возможности переноса сложившихся соотношений предыдущего периода на ближайший период времени. Когда отмечается необходимость кратко или среднесрочного прогноза для выработки мер макроэкономической политики, необходимо принимать во внимание, что применяемые инструменты предыдущего периода, а также сложившаяся экономическая структура, включая институты, какие бы не были созданы прогнозные модели, задают на коротком интервале времени экономическую динамику. Именно время часто выступает тем параметром, который делает экономику чувствительной к макроэкономическим воздействиям. Иными словами, на коротком и даже среднем периоде времени экономика может показать не чувствительность к данным воздействиям, но на длительном интервале времени оказаться куда более чувствительной к ним. Если на коротком отрезке не чувствительность приведёт к обоснованию определённых методов воздействия, то на длительном именно усиление этих мер резко повысит чувствительность с возможными негативными последствиями для экономической динамики.

³ Подробнее см.: Сухарев О.С. «Изражённый монетаризм» будет диктовать экономическую стратегию развития России? Инвестиции в России, № 6, 2017 – С. 27-35.

Рисунок 3 – Прогноз динамики ВВП России при различном изменении инвестиций в финансовые (F) и нефинансовые активы (N), 2020 гг.⁴

На рисунке 3 показан вариант прогноза темпа роста ВВП России на 2020 года при изменении инвестиций в финансовые и нефинансовые активы. Как видим, наибольший спад имеется при снижении инвестиций в нефинансовые активы относительно инвестиций в финансовые активы (рисунок 3, слева – инвестиции в финансовые активы изменяются, справа – изменяются инвестиции в нефинансовые активы). Спад характеризуется как раз сокращением инвестиций. При сложившейся чувствительности к указанным двум типам инвестиций, можно судить о той величине темпа роста, которая будет иметь место в 2020 году – кризисном в силу коронавирусной атаки.

Таким образом, в определённом смысле меры макроэкономической политики не только выстраиваются благодаря прогнозам, но и формируют сам прогноз, а их аккумуляция способна породить непредсказуемые долгосрочные эффекты развития экономики. Прогнозы предполагают использование моделей, которые базируются на допущениях либо имманентных упрощениях. Это вносит существенные искажения и становится причиной, что они часто не сбываются. Включение в подобные модели оценки чувствительности релевантных параметров макроэкономической политики к инструментам экономической политики, реализуемым последовательно (раздельно) либо одновременно, способно повысить адекватность таких моделей, особенно, если будет раскрыта природа изменения этой чувствительности в силу присутствия структурных и институциональных ограничений.

Заключение

Подводя итог проведённому исследованию, отметим следующее.

В российской экономике сложились такие структурные соотношения, которые позволяют, увеличивая долю инвестиционных и правительственных расходов в ВВП, обеспечивать повышение темпа роста этих компонент и, следовательно, их вклад в темп экономического роста. Это обстоятельство весьма полезно учитывать при спровоцированном коронавирусной атакой кризисе 2020 года.

Кроме того, понижение ставки процента и уровня монетизации, особенно в кризисных условиях, станут методом управления, направленным на преодоление экономического кризиса. В связи с этим, впервые в России денежные власти ориентируются именно на такой сценарий. В связи с чем можно говорить, что многолетние разъяснения по поводу влияния процентной ставки и денежной массы на экономический рост многих экономистов России (включая автора этого доклада) имеют, желает это кто признавать или нет, но положительный эффект в конкретных решениях по управлению страной в кризисной ситуации. Усилия в этом направлении требуют наращивания и уровня аналитического обоснования.

Литература

1. *Ahmad M., S.G.* Economic growth and convergence: Do institutional proximity and spillovers matter?// *Journal of Policy Modeling*, Volume 39, Issue 6, November–December 2017, pp. 1065-1085.
2. *Balachandran B., Williams B.* Effective governance, financial markets, financial institutions & crises // *Pacific-Basin Finance Journal*, Volume 50, September 2018, pp. 1-15.
3. *Hanusch H., Chakraborty L., Khurana S.* Fiscal Policy Economic Growth and Innovation: An Empirical Analysis of G20 Countries.// *Levy Economics Institute, Working Paper*, 2017, No. 883, 16 p.
4. *Iamsiraroj S.* The foreign direct investment–economic growth nexus // *International Review of Economics & Finance*, Vol. 42, 2016, pp. 116-133.
5. *Ryser L., Halseth G., Markey S., Morris M.* The structural underpinnings impacting rapid growth in resource regions // *The Extractive Industries and Society*, Vol. 3, Issue 3, 2016, pp. 616-626.
6. *Ruiz J. L.* Financial development, institutional investors, and economic growth // *International Review of Economics & Finance*, Volume 54, March 2018, pp. 218-224

⁴График отражает ситуацию, когда один вид инвестиций полученной эконометрической модели изменяется, а другой нет. Величина изменения показана на графике как и используемая эконометрическая модель, связывающая ВВП и финансовые, нефинансовые инвестиции. Источник: Росстат https://www.gks.ru/investment_nonfinancial, <https://www.gks.ru/folder/14476>, [https://www.gks.ru/storage/mediabank/tab1\(2\).htm](https://www.gks.ru/storage/mediabank/tab1(2).htm).

7. *Samaniego R. M., Sun J. Y.* Productivity growth and structural transformation // *Review of Economic Dynamics*, Vol. 21, 2016, pp. 266-285.
8. *Structural policy in Russia: new conditions and a possible agenda* // scientific. hands. E.G. Yasin - M.: Publishing House of the Higher School of Economics 2018 - 32 p.
9. *Sukharev O.S.* Economic dynamics. Institutional and structural factors - Moscow: Lenand, 2015 - 240p
10. *Vo L.V., Le H.T.T.* Strategic growth option, uncertainty, and R&D investment // *International Review of Financial Analysis*, Vol. 51, 2017, pp. 16-24.
11. *Welsch H., Kühling J.* Macroeconomic performance and institutional change: evidence from subjective well-being data // *Journal of Applied Economics*, Volume 19, Issue 2, November 2016, pp. 193-217